

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1956**

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ.

ПЬЕСЫ

1886—1904

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1956

Примечания

А. П. СКАФТЫМОВА

*Подготовка текста пьесы «Три сестры»
и примечания*

С. И. ВЛАДИМИРСКОГО и А. Р. МЕРВОЛЬФ

О ВРЕДЕ ТАБАКА

Сцена-монолог

ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО:

Маркел Иванович Нюхин, муж своей жены, содержательницы женского пансиона.

Сцена представляет эстраду одного из провинциальных клубов. Нюхин величественно входит, кланяется, поправляет жилетку и величественно начинает.

Милостивые государыни и милостивые государи! Моей жене предложено было, чтобы я с благотворительной целью прочел здесь какую-нибудь популярную лекцию. Истинная ученость скромна и не любит фигурировать, но ввиду названной цели жена моя согласилась — и вот я перед вами. Я не профессор и чужд ученых степеней, но ни для кого из вас не составляет секрета, что я... что я *(мнетя и быстро заглядывает в бумажку, которую вытаскивает из жилетного кармана)*... что я вот уже тридцать лет не переставая, жертвуя здоровьем и благами жизни, работаю над вопросами строго научного свойства и даже печатаю иногда в местном органе научные статьи... На днях сдана мною в редакцию большая статья под заглавием: «О вреде чаизма и кофеизма для организма». Предметом сегодняшней моей лекции я избрал вред, который приносит человечеству потребление табаку. Конечно, трудно в одну лекцию исчерпать всю важность предмета, но я

постараюсь быть краток и скажу только о самом важном... Как враг популяризации, буду строго научен, вам же, слушатели, предлагаю прочувствовать всю важность предмета и отнестись к моей настоящей лекции с должной серьезностью... Кто легкомыслен, кого пугает сухость строго научной речи, тот может не слушать и выйти!.. *(Делает величественный жест и поправляет жилетку.)* Итак, начинаю...

Прошу внимания... Особенно прошу внимания у присутствующих здесь господ врачей, которые могут почерпнуть из моей лекции много полезных сведений, так как табак, помимо его вредных действий, употребляется также в медицине. Так, в тысяча восемьсот семьдесят первом году, десятого февраля, он прописывался моей жене в виде клизм *(заглядывает в бумажку)*. Табак есть тело органическое. Получается он, по моему мнению, из растения *Nicotiana Tabacum*, принадлежащего к семейству *solaneae*. Растет в Америке. Главную составную часть его составляет страшный, губительный яд никотин. Химически он, по моему мнению, состоит из десяти атомов углерода, четырнадцати атомов водорода и... двух... атомов... азота... *(Задыхается и хватается за грудь, причем роняет бумажку.)* Воздуху! *(Чтобы не упасть, балансирует руками и ногами.)* Ох! Сейчас! Дайте отдышаться... Сейчас... Сию минуту... Силой воли я остановлю припадок... *(Бьет себя кулаком по груди.)* Довольно! Уф!

Минутная пауза, в продолжение которой Нюхин ходит по сцене и отдувается.

С давних пор... я страдаю припадками удушья... астмой... Эта болезнь началась у меня в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году, тринадцатого сентября... в тот самый день, когда у моей жены родилась шестая дочь Вероника... Всех дочерей у моей жены ровно девять... сыновей же — ни одного, чему моя жена очень рада, так как сыновья в женском пансионе во многих отношениях были бы неудобны... Во всем пансионе один только мужчина — это я... Но почтеннейшие, высокоуважаемые семьи, вверившие моей жене судьбу своих детей, относительно меня могут быть совершенно спо-

койны... Впрочем... ввиду недостатка времени не станем отклоняться от предмета лекции... Итак, на чем я остановился. Уф! Припадок астмы перебил меня на самом интересном месте. Но нет худа без добра. Для меня и для вас, в особенности же для присутствующих здесь господ врачей, этот припадок может послужить прекраснейшим уроком. В природе не бывает действий без причины... Поищем же причину моего сегодняшнего припадка... *(Прикладывает палец ко лбу и думает.)* Да! Единственное средство от астмы — это воздержание от тяжелой и возбуждающей пищи, я же, идя сюда на лекцию, позволил себе некоторое излишество. Надо вам заметить, что в пансионе моей жены сегодня блины. Каждая воспитанница вместо жаркого получает за обедом по одному блину. Я муж моей жены, не мне бы, кажется, хвалить эту благородную особу, но клянусь вам, что нигде не кормят так осмысленно, гигиенично и целесообразно, как в пансионе моей жены. Я лично могу засвидетельствовать это, потому что в пансионе моей жены я имею честь состоять заведующим хозяйственной частью. Я закупаю провизию, проверяю прислугу, каждый вечер подаю счет жене, шью тетрадки, изобретаю средства от насекомых, очищаю воздух путем пульверизации, считаю белье, слежу за тем, чтобы одна зубная щетка приходилась не более, как на пять воспитанниц, и чтоб одним и тем же полотенцем утиралось не более десяти девиц. Сегодня на моей обязанности лежало выдать кухарке муку и масло в таком количестве, которое строго соответствовало бы числу пансионеров. Итак, сегодня пекли блины. Надо вам заметить, что блины предназначались только для воспитанниц. Для членов же семьи моей жены готовилось жаркое, на каковой предмет имелась задняя телячья ножка, хранившаяся в погребе с пятницы прошлой недели. Моя жена и я пришли к заключению, что если мы не изжарим сегодня эту ножку, то к завтраму она может испортиться. Но далее. Вы слушайте, что будет далее! Когда блины были уже напечены и сосчитаны, моя жена прислала на кухню сказать, что пять воспитанниц наказаны за дурные манеры лишением блинов.

Таким образом оказалось, что мы спекли пять лишних блинов. Куда прикажете девать их? Куда? Отдать их дочерям? Но моя жена запрещает дочерям есть тесто. Ну, как вы думаете? Куда мы их дели? *(Вздыхает и качает головой.)* О любящее сердце! О ангел доброты! Она сказала: «Съешь эти блины сам, Маркеша!» И я съел, выпив предварительно рюмку водки. Так вот где причина припадка. *Da ist der Hund begraben!*¹ Но однако... *(Смотрит на часы.)* Мы заболтались и несколько уклонились от темы. Будем продолжать... Итак, никотин химически состоит из... из... *(Нервно роется по карманам и ищет глазами бумажку.)* Я предлагаю вам запомнить эту формулу... Химическая формула — это путеводная звезда... *(Увидев бумажку, роняет на нее платок. Поднимает вместе с платком бумажку.)* Я забыл вам сказать, что в пансионе моей жены, кроме заведования хозяйством, на мне лежит преподавание математики, физики, химии, географии, истории и наглядного обучения. Кроме этих наук, в пансионе моей жены преподаются французский, немецкий и английский язык, закон божий, рукоделия, рисование, музыка, танцы и манеры.

Как видите, курс больше, чем гимназический. А пища! А комфорт! И удивительно: все это за самую ничтожную плату! Полные пансионерки платят триста рублей, полупансионерки — двести, приходящие — сто. За танцы, музыку и рисование плата отдельная, по приглашению с моей женой... Прекрасный пансион! Помещается он на углу Кошачьей улицы и Пятисобачьего переулка в доме штабс-капитанши Мамашечкиной. Для переговоров жену мою можно застать дома во всякое время, а программа пансиона продается у швейцара по пятьдесят копеек за экземпляр. *(Смотрит в бумажку.)* Итак, приглашаю запомнить формулу! Никотин химически состоит из десяти атомов углерода, четырнадцати водорода и двух азота. Потрудитесь записать. Представляет он собою бесцветную жидкость с аммониакальным запахом. Для нас, собственно говоря, важно непосредственное действие никотина *(смотрит*

¹ Вот где собака зарыта! *(нем.)*

в табакерку) на нервные центры и мышцы пищеварительного канала. О господи! Опять насыпали! (Чихает.) Ну, что делать с этими мерзкими, негодными девчонками? Вчера насыпали в табакерку пудры, а сегодня чего-то едкого, вонючего. (Чихает и чешет себе нос.) Ведь это гнусно! У меня от этого порошка черт знает что в носу делается. Бррр!.. Мерзкие, гадкие! Вы, быть может, усматриваете в этом их проступке недостаток в пансионе моей жены строгой дисциплины. Нет, милостивые государи, тут не пансион виноват. Нет! Виновато общество! Вы виноваты! Семья должна идти об руку со школой, а между тем что мы видим? (Чихает.) Но забудем об этом! (Чихает.) Забудем. Никотин приводит желудок и кишки в тетаническое состояние, то есть в состояние тетануса!

Пауза.

Однако я замечаю на многих лицах улыбки. Очевидно, не все слушатели достаточно оценили всю высокую важность интересующего нас предмета. Есть даже такие, которые находят даже возможным смеяться, когда с трибуны говорят истины, освященные строгой наукой! (Вздыхает.) Конечно, я не смею делать вам замечаний, но... дочерям своей жены я всегда говорю: «Дети, не смейтесь над тем, что выше смеха!» (Чихает.) У моей жены девять дочерей. Старшей из них, Анне, двадцать семь лет, младшей семнадцать. Милостивые государи! Все, что только есть в природе прекрасного, чистого и возвышенного, все собрано в эти девять юных, непорочных существ. Простите мне это волнение и эту дрожь в голосе: вы видите перед собой счастливейшего из отцов. (Вздыхает.) Как, однако, трудно в наше время выдавать замуж. Ужасно трудно! Легче найти денег под третью закладную, чем найти мужа хотя бы одной из дочерей. (Качает головой.) Ах, молодые люди, молодые люди! Вы своим упрямством, своим материальным направлением лишаете себя одного из высших наслаждений, наслаждений семейной жизни!.. Если бы вы только знали, как хороша эта жизнь! Я прожил с женой тридцать три года и могу сказать, что это были лучшие годы моей жизни. Протекли они, как один счастливый

миг. *(Плачет.)* Как часто огорчал я ее своими слабостями! Бедная моя! Хотя я и с покорностью принимал наказания, но чем я вознаграждал ее гнев?

Пауза.

Дочери моей жены не выходят так долго замуж потому, что они застенчивы и потому, что мужчины их никогда не видят. Вечеров давать моя жена не может, на обед она никогда никого не приглашает, но... могу вам сообщить по секрету *(приближается к рампе и шепчет)*: дочерей моих можно видеть по большим праздникам у тетки Натальи Семеновны Завертюхиной, той самой, которая страдает падучей и собирает старинные монеты. Там бывает и закуска. Но по недостатку времени не будем удаляться от темы. Остановился я на тетанусе. Впрочем *(смотрит на часы)*, до следующего раза! *(Поправляет жилетку и величественно уходит.)*

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

(Калхас)

Драматический этюд в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Василий Васильич Светловидов, комик, старик, 68 лет.
Никита Иванович, суфлер, старик.

Действие происходит на сцене провинциального театра, ночью, после спектакля. Пустая сцена провинциального театра средней руки. Направо ряд некрашенных, грубо сколоченных дверей, ведущих в уборные; левый план и глубина сцены завалены хламом.

Посреди сцены опрокинутый табурет.— Ночь. Темно.

I

Светловидов (в костюме Калхаса, со свечой в руке, выходит из уборной и хохочет).

Светловидов. Вот так фунт! Вот так штука. В уборной уснул! Спектакль давно уже кончился, все из театра ушли, а я преспокойнейшим манером храповицкого задаю. Ах, старый хрен, старый хрен! Старая ты собака! Так, значит, налимонился, что сидя уснул! Умница! Хвалю, мамочка. (*Кричит.*) Егорка! Егорка, черт! Петрушка! Заснули, черти, в рот вам дышло, сто чертей и одна ведьма! Егорка! (*Поднимает табурет,*

садится на него и ставит свечу на пол.) Ничего не слышно... Только эхо и отвечает... Егорка и Петрушка получили с меня сегодня за усердие по трешнице, — их теперь и с собаками не сыщешь... Ушли и, должно быть, подлецы, театр заперли... (*Крутит головой.*) Пьян! Уф! Сколько я сегодня ради бенефиса влил в себя этого ви-нища и пивища, боже мой! Во всем теле перегар стоит, а во рту двенадцать языков ночуют... Противно...

Пауза.

Глупо... напился старый дуралей и сам не знает, с какой радости... Уф, боже мой!.. И поясницу ломит, и башка трещит, и знобит всего, а на душе холодно и темно, как в погребе. Если здоровья не жаль, то хоть бы старость-то свою пощадил, шут Иваныч...

Пауза.

Старость... Как ни финти, как ни храбрись и ни ломай дурака, а уж жизнь прожита... шестьдесят восемь лет уже тю-тю, мое почтение! Не воротишь... Все уж выпито из бутылки и осталось чуть-чуть на доньшке... Осталась одна гуща... Так-то... Такие-то дела, Васюша... Хочешь — не хочешь, а роль мертвеца пора уже репетировать. Смерть-матушка не за горами... (*Глядит вперед себя.*) Однако служил я на сцене сорок пять лет, а театр вижу ночью, кажется, только в первый раз... Да, в первый раз... А ведь курьезно, волк его заешь... (*Подходит к рампе.*) Ничего не видать... Ну, суфлерскую будку немножко видно... вот эту литерную ложу, пюпитр... а все остальное — тьма! Черная бездонная яма, точно могила, в которой прячется сама смерть... Брр!.. холодно! Из залы дует, как из каминной трубы... Вот где самое настоящее место духов вызывать! Жутко, черт подери... По спине мурашки забегали... (*Кричит.*) Егорка! Петрушка! Где вы, черти? Господи, что ж это я нечистого поминаю? Ах, боже мой, брось ты эти слова, брось ты пить, ведь уж стар, помирать пора... В шестьдесят восемь лет люди к заутрене ходят, к смерти готовятся, а ты... О господи! Нечистые слова, пьяная рожа, этот шутовской костюм... Просто не глядел бы!

Пойду скорее одеваться... Жутко! Ведь этак, ежели всю ночь здесь просидеть, то со страху помереть можно... *(Идет к своей уборной; в это время из самой крайней уборной в глубине сцены показывается Никита Иванович в белом халате.)*

II

Светловидов *(увидев Никиту Ивановича, вскрикивает от ужаса и пятится назад)*. Кто ты? Зачем? Кого ты? *(Топочет ногами.)* Кто ты?

Никита Иванович. Это я-с!

Светловидов. Кто ты?

Никита Иванович *(медленно приближаясь к нему)*. Это я-с... Суфлер, Никита Иванович... Василь Васильич, это я-с!..

Светловидов *(опускается в изнеможении на табурет, тяжело дышит и дрожит всем телом)*. Боже мой! Кто это? Это ты... ты, Никитушка? За... зачем ты здесь?

Никита Иванович. Я здесь ночую в уборных-с. Только вы, сделайте милость, не сказывайте Алексею Фомичу-с... Больше ночевать негде, верьте богу-с...

Светловидов. Ты, Никитушка... Боже мой, боже мой! Вызывали шестнадцать раз, поднесли три венка и много вещей... все в восторге были, но ни одна душа не разбудила пьяного старика и не свезла его домой... Я старик, Никитушка... Мне шестьдесят восемь лет... Болен! Томится слабый дух мой... *(Припадает к руке суфлера и плачет.)* Не уходи, Никитушка... Стар, немощен, помирать надо... Страшно, страшно!..

Никита Иванович *(нежно и почтительно)*. Вам, Василь Васильич, домой пора-с!

Светловидов. Не пойду! Нет у меня дома,— нет, нет, нет!

Никита Иванович. Господи! Уж забыли, где и живете!

Светловидов. Не хочу туда, не хочу! Там я один... никого у меня нет, Никитушка, ни родных, ни старухи, ни деток... Один, как ветер в поле... Помру, и некому будет помянуть... Страшно мне одному... Некому

меня согреть, обласкать, пьяного в постель уложить... Чей я? Кому я нужен? Кто меня любит? Никто меня не любит, Никитушка!

Н и к и т а И в а н ы ч (сквозь слезы). Публика вас любит, Василь Васильич!

С вет л о в и д о в. Публика ушла, спит и забыла про своего шута! Нет, никому я не нужен, никто меня не любит... Ни жены у меня, ни детей...

Н и к и т а И в а н ы ч. Эва, о чем горюете...

С вет л о в и д о в. Ведь я человек, ведь я живой, у меня в жилах кровь течет, а не вода. Я дворянин, Никитушка, хорошего рода... Пока в эту яму не попал, на военной служил, в артиллерии... Какой я молодец был, красавец, какой честный, смелый, горячий! Боже, куда же это все девалось? Никитушка, а потом каким я актером был, а? (*Поднявшись, опирается на руку суфлера.*) Куда все это девалось, где оно, то время? Боже мой! Поглядел нынче в эту яму — и все вспомнил, все! Яма-то эта съела у меня сорок пять лет жизни, и какой жизни, Никитушка! Гляжу в яму сейчас и вижу все до последней черточки, как твое лицо. Восторги молодости, вера, пыл, любовь женщин! Женщины, Никитушка!

Н и к и т а И в а н ы ч. Вам, Василь Васильич, спать пора-с.

С вет л о в и д о в. Когда был молодым актером, когда только что начинал в самый пыл входить, помню — полюбила одна меня за мою игру... Изящна, стройна, как тополь, молода, невинна, чиста и пламенна, как летняя заря! Под взглядом ее голубых глаз, при ее чудной улыбке, не могла бы устоять никакая ночь. Морские волны разбиваются о камни, но о волны ее кудрей разбивались утесы, льдины, снеговые глыбы! Помню, стою я перед нею, как сейчас перед тобою... Прекрасна была в этот раз, как никогда, глядела на меня так, что не забыть мне этого взгляда даже в могиле... Ласка, бархат, глубина, блеск молодости! Упоенный, счастливый, падаю перед нею на колени, прошу счастья... (*Продолжает упавшим голосом.*) А она... она говорит: оставьте сцену! О-с-та-вь-те сце-ну!.. Пони-маешь? Она могла любить актера, но быть его женой —

никогда! Помню, в тот день играл я... Роль была подлая, шутовская... Я играл и чувствовал, как открываются мои глаза... Понял я тогда, что никакого святого искусства нет, что все бред и обман, что я — раб, игрушка чужой праздности, шут, фигляр! Понял я тогда публику! С тех пор не верил я ни аплодисментам, ни венкам, ни восторгам... Да, Никитушка! Он аплодирует мне, покупает за целковый мою фотографию, но я чужд ему, я для него — грязь, почти кокотка! Ради тщеславия он ищет знакомства со мною, но не унизит себя до того, чтобы отдать мне в жены свою сестру, дочь... Не верю я ему! *(Опускается на табурет.)* Не верю!

Н и к и т а И в а н ы ч. На вас лица нет, Василь Васильич! Даже меня в страх вогнали... Пойдемте домой, будьте великодушны!

С в е т л о в и д о в. Прозрел я тогда... и дорого мне стоило это прозрение, Никитушка! Стал я после той истории... после девицы этой... стал я без толку шататься, жить зря, не глядя вперед... Разыгрывал шутов, зубоскалов, паясничал, развращал умы, а ведь какой художник был, какой талант! Зарыл я талант, опошил и изломал свой язык, потерял образ и подобие... Сожрала, поглотила меня эта черная яма! Не чувствовал раньше, но сегодня... когда проснулся, поглядел назад, а за мною шестьдесят восемь лет. Только сейчас увидел старость! Спета песня! *(Рыдает.)* Спета песня!

Н и к и т а И в а н ы ч. Василь Васильич! Батюшка мой, голубчик... Ну, успокойтесь... Господи! *(Кричит.)* Петрушка! Егорка!

С в е т л о в и д о в. А ведь какой талант, какая сила! Представить ты себе не можешь, какая дикция, сколько чувства и грации, сколько струн... *(бьет себя по груди)* в этой груди! Задохнуться можно!.. Старик, ты послушай... постой, дай перевести дух... Вот хоть из «Годунова»:

Тень Грозного меня усыновила,
Димитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла.
Царевич я. Довольно. Стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться!

А, плохо? (*Живо.*) Постой, вот из «Короля Лира»... По-нимаешь, черное небо, дождь, гром — рrr!.. молния — жжж!.. полосует все небо, а тут:

Злись, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
Вы, хляби вод, стремитесь ураганом,
Залейте башни, флюгера на башнях!
Вы, серные и быстрые огни,
Предвестники громовых тяжких стрел,
Дубов крушители, летите прямо
На голову мою седую! Гром небесный,
Все потрясающий, разбей природу всю,
Расплюсни разом толстый шар земли
И разбросай по ветру семена,
Родящие людей неблагодарных!

(*Нетерпеливо.*) Скорее слова шута! (*Топочет ногами.*)
подавай скорее слова шута! Некогда мне!

Н и к и т а И в а н ы ч (*играя шута*). «Что, куманек? Под кровлей-то сидеть получше, я думаю, чем под дождем шататься? Право, дяденька, помирился бы ты лучше с дочерьми. В такую ночь и умнику и дураку — обоим плохо!»

С в е т л о в и д о в .

Реву всем животом!
Дуй, лей, греми и жги!
Чего щадить меня? Огонь и ветер,
И гром и дождь — не дочери мои!
В жестокости я вас не укоряю:
Я царства вам не отдавал при жизни,
Детьми моими вас не называл.

Сила! Талант! Художник! Еще что-нибудь... еще что-нибудь этакое... стариной тряхнуть... Хватим (*закатывается счастливым смехом*) из «Гамлета»! Ну, я начинаю... Что бы такое? А, вот что... (*Играя Гамлета.*) «Ах, вот и флейтщики! Подай мне твою флейту! (*Никите Иванычу.*) Мне кажется, будто вы слишком гоняетесь за мною».

Н и к и т а И в а н ы ч. «Поверьте, принц, что всему причиной любовь моя к вам и усердие к королю».

С в е т л о в и д о в . «Я что-то не совсем это понимаю. Сыграй мне что-нибудь!»